Сима проснулась ровно в шесть утра. Ну да, «проснулась» (не так уж много времени прошло с *низвержения* – пенсия, по-здешнему – каждый раз хоть на секунду да призадумывалась, чтобы самоопределиться), хотя могло быть и «проснулся», скажем. Вернее было бы «проснулось» (но здесь это не так понимают). Додумывать Симе не хотелось: по старой, ещё *сферной*, памяти решила выстроить план деяний на день. Зачем вставать в шесть, она не понимала. Но в «Памятке для безвременно низвергнутых по заслугам» (в разделе «Индивидуальные указания») говорилось, что в стране ПС-01 пенсионеры встают рано. Затем они пьют чай, едят кашу «геркулес», идут по магазинам в поисках дешёвых продуктов, возвращаясь – смотрят передачи по телевизору. Где-то в промежутках между сериалами и телешоу обязательно сидят на лавочках у подъездов и судачат с соседками. В день выдачи пенсии ждут в гости детей и внуков. И всё время чем-нибудь хворают. Вот, в общем-то, и все нехитрые указания. В Сферах бывало и посложнее, но тогда и молодость была, и пыл – чего уж там. Охо-хо-шеньки…

После выслуги веков, чтобы натурализоваться, Симе пришлось поселиться в «однёшке» на окраине провинциального городка (легенда: разменялась и разъехалась с детьми), получать пенсию (Сферная Канцелярия определила вспомоществование в размере пяти тысяч шестисот рублей – ну что там говорить: тысячелетняя традиция всегдашнего скупердяйства) и тратить её. Вот это, пожалуй, было самое неприятное – Сима привыкла работать (там, в Сферах, в 2956-м Легионе 42-го Сонма) с духовным, а не с материальным. Да и *подопечных* у неё отобрали, ну тех, которых обычно проводишь через весь Путь. А ведь с ними свыкаешься, как с родными, радуешься с ними вместе и огорчаешься, помогаешь чем можешь. Подопечные, можно сказать, любили Симу, часто обращались к ней с просьбами. Работа живая, душевная.

Другое дело, что Перечень услуг, которыми могла руководствоваться Сима, был не очень-то велик – ну что поделаешь: Симе по чину большее не положено (всего-то 14-й серафический, но не всем же быть в привилегированном 1-м). Здесь тоже хотелось работы с людьми – кое-что всё же могла ещё по старой памяти (оставили кое-какие сферные навыки «за долгую безупречную службу»), ну вот она и взяла в условно подопечные (с ограниченным кругом Помощи) двух старушек и одного старичка – больше не позволили. Ну хоть так…

Пенсия-то пенсией – вроде как отрезали от Сфер, но всё же связующую ниточку оставили, не аспиды, чай. Раз в месяц имела право Сима связываться с Канцелярией по спецканалу телевизора: отчёт какой-никакой отправить или совета испросить, указания получить по необходимости, с нововведениями ознакомиться – мало ли. Был и ещё один – резервный – канал связи: старый как мир, проверенный. Срабатывал, правда, он лишь в тёплое время года: кладёшь на ладонь симпатичного крапчатого жучка, подбрасываешь со словами: «Божья коровка, улети на небко!» (ну, естественно, при этом называешь номер телефона нужного специалиста из Сферной Канцелярии) – и решай свои вопросы.

Плюс одна *просьба* в месяц полагалась Симе (в пределах разумного, конечно). Но она берегла пока просьбы для чего-нибудь по-настоящему важного – по старой, давно наработанной привычке знала: ой как может пригодиться. Хорошо, что просьбы по истечении месяца не обнулялись и годика за полтора можно было собрать, скажем, на уменьшение тарифов на электроэнергию или продление жизни пожилой кошке (прейскурант прилагался к памятке). Но Сима ещё сама не очень освоилась – низвергнулась полгода назад. По человеческому счёту, конечно. В Сферах не так считают…

В Симиной микражке, кроме неё, жили ещё двое *сферных* – баба Липа из соседней общаги и Хабиб Гулямыч Загидуллин из двадцать третьего дома. А сама Сима, с виду моложавая приветливая женщина лет шестидесяти, по местному паспорту значилась Серафимой Ивановной Носковой. С бабой Липой, маленькой улыбчивой старушкой (13-й херувимский, невысокий, чин), они сразу же по-хорошему сошлись. А вот чернобровый корпулентный Хабиб Гулямыч (по его словам, 5-й подархангельский чин) важничал, держался высокомерно, дерзко критиковал деятельность Канцелярии и чуть ли не самих Сфер, намекая на свои тамошние неучтённые заслуги («Из *падших*, – решила Сима, – они такие»). Может, и ещё кто был здесь из сферных (и не обязательно антропоморфных, человекоподобных то есть), но Сима пока толком не знала: в Канцелярии об этом сильно не распространялись. При низвержении спросили, правда, в каком она виде хочет отныне *бытовать* (ну это так, для проформы: обычно все хотели быть похожими на людей – традиция такая), и назвали пару адресов местных сферных – чтобы не чувствовала себя уж совсем отставленной.

Сегодня надо было поработать с одной из условно подопечных. Она (подопечная) давно просила своего непосредственного *опекателя*, но тот был какой-то нерадивый, всё у него руки (хм…) не доходили – эх, молодёжь-молодёжь… Сима открыла верхний ящик тумбочки и достала свеженький, помеченный вчерашним днём, список просьб. Всё же в Сферах молодцы: раньше, говорят, на почту «до востребования» за сообщениями надо было ходить – теперь заглянул в специнвентарь («тумбочка прикроватная») – вот и рапортичка.

Зинаида Семёновна Коковцева вот уже неделю молила о помощи себе, болящей (люмбаго – прострел в спине), и внуку Витальке (освобождение от армии). Ну первое – это просто: сегодня же бабе Зине полегчает – крем «Эспол» на основе экстракта перца стручкового будет подкинут в её хозяйственную сумку. А вот с внуком надо подумать: можно сотворить ему перелом ноги (но это только отсрочка), можно посодействовать, чтобы его девушка Ксюша забеременела двойней (тоже не самый хороший вариант для восемнадцатилетних), а лучше узнать расценки и подбросить Коковцевой конверт с деньгами для взятки в военкомат (тем более что две просьбы за два предыдущих месяца сохранены – должно хватить).

Так, теперь остальные двое. Фира Зиновьевна Шапаревич неустанно просит об улучшении семейного благосостояния для дочери Софы (тут уже работа ведётся: Софиному мужу ещё в июле Сима выбила тёпленькое местечко – с перспективой карьерного роста). Владлен Васильевич Баранец ежевечерне выпрашивает добавку к пенсии в размере пятисот рублей. Симой было перепробовано несколько вариантов воздействия на Пенсионный фонд – вплоть до объявления гражданина Баранца сыном полка в годы войны: не прошло («в связи с тем, что означенному гражданину в годы Великой Отечественной войны было 2–6 года» – значилось в отписке). Сегодня выход был найден – Сима решила ежемесячно подкидывать Владлену Васильевичу конверт с пятисотрублёвкой из своих здешних пенсионных.

Среди прочих обычных дел в Симином списке на сегодня значилась кормёжка бездомных

котов, перевод детишек через дорогу, подбрасывание небольших сумм денег в сумки зазевавшихся старушек. Прежде чем одеваться по-здешнему, Сима посмотрела на календарь: 11 октября. Стало быть, осень. Люди ходят в пальто и шапках.

Симу, конечно, подготовили немного к новым условиям: снабдили специнвентарём, дали телефоны специалистов из Канцелярии и номер канала TV, обеспечили жилплощадью и пенсией, кой-какой одежонкой на три сезона (зима, весна – осень, лето) на первое время. Но привыкнуть одеваться «как все» по первости было трудновато – всё никак не попадала в струю.

Низвергнули её в марте (считай, здесь зима ещё), люди в шубах ходят – а Сима-то по своей сферной сути не чувствует холода, вот и вышла первый раз в магазин в голубеньком ситцевом сарафанчике (хорошенький такой – с жёлтыми вставочками на груди) и белых босоножках. Хотела людям понравиться – а они пальцами в неё тычут, хихикают. Обидно Симе. Спасибо, баба Липа *возникла* и помогла – накинула на неё пальто прямо в магазине, до дому довела и кое-что разъяснила.

Она и сейчас советами помогает очень (сама-то уже пятый год как в ПС-01, в двенадцатиметровой гостинке бытует). А вот Хабиб Гулямыч, когда ему рассказали про Симин человеческий дебют, долго смеялся – он и сейчас нет-нет да и поддразнит: «Не холодно ли тебе, де́вица?».

Сима надела клетчато-коричневое драповое пальто («Добротное, сносу не будет», – хвалила его баба Липа), полусапожки из кожзаменителя и серую беретку. Положила в хозяйственную сумку три конверта (в каждом по пятьдесят рублей) и двести граммов ливерки, нарезанной кусочками (для котов), и пошла в магазин. Симина серафическая суть позволяла ей обходиться без пищи. Но чтобы стать «как все», она решила всё же употреблять хоть немного земной пищи. Для своего всегдашнего рациона Сима выбрала чай, крупу «геркулес», кефир, рыбу мойву, печенье «Юбилейное» и кетчуп «Томатный». Иногда баловала себя яблочками «семеринка». Да к тому же соседи заподозрили бы что-то: как так, пенсионерка – и в магазин не ходит?

В ближайшем продуктовом магазине (супермаркет «Экономка») продукты с жёлтыми ценниками (скидка!) были куплены, два конверта благополучно подброшены у кассы в сумки пенсионеров. Осталась одна пятидесятирублёвка. Сима задержалась у столиков, где покупатели перекладывают продукты из корзинок в пакеты и сумки. Сухонькая старушка, озираясь, вытаскивала огурец из кармана своего пальто. Сима заметила её ещё в торговом зале, когда она, как бы задумавшись, клала овощ в карман. «Денежек мало, а есть хочется», – пожалела её Сима и решила одну из пятидесятирублёвок отдать именно ей. Тем временем из старушкиного кармана в пакет перекочевывали плавленый сырок, бублик и пакетик с китайским солёным арахисом. Сима встала поближе, протянула руку с конвертом к бабулькиному пакету.

– А-а-а… Сферная, – констатировала вдруг старушка, глядя на опешившую Симу глазками-буравчиками, – гаманок у меня чуть не спёрла.

– Да нет, вы не так поняли, – стала оправдываться Сима.

– Да, как же, не поняла! Понанизвергали сюда всяких… – шептала неприятная старушонка как бы про себя и вдруг громко заблажила: – Да что же это делается-то! Совесть твоя козлячья!

Люди стали оглядываться. Заметив приближающегося охранника, Сима непроизвольно сунула в цепкие руки вороватой бабули конвертик и спешно ретировалась из «Экономки».

Чтобы успокоиться, она решила прогуляться по скверу. Конечно, она знала, что и Антиподное подведомство отлучает по выслуге веков своих – отправляет их в ПС-01, и где-то здесь они точно есть. Но за всё время здешнего бытования впервые так явно столкнулась с антиподшей (точно-точно, теперь сомнений нет), спасовала перед ней, да ещё и вспомоществование ей сунула – тьфу, стыдно как…

Вдоль аллейной заасфальтированной дорожки с обеих сторон росли деревья и кусты, ближе к асфальту в травке паслись голуби и воробьи – клевали зёрнышки вызревшей птичьей гречишки. Где-то в кустах (Сима знала) прятались коты, выжидающие удобного случая, чтобы схватить пернатую снедь. Пухлявые голуби и в неощипанном виде выглядели аппетитно.

Сима в задумчивости села на скамейку. Откуда-то из-за Симиной спины возник грязный рыже-белый кот с облезлым хвостом, покрутил крупной короткоухой башкой, посмотрел умными медовыми глазами сначала на Симу, потом на сумку. «Ах да. Сейчас-сейчас», – сказала Сима

коту и стала доставать из сумки ливерную колбаску. Рыжий ел неторопливо и с достоинством – не выпрашивал, не мяукал жалобно по кошачьему обыкновению. Съев три скибочки, бухнулся вдруг на спину прямо на асфальт, вытянул задние лапы, а передними стал водить по пыли вверх-вниз. Сима недоумённо уставилась на удивительного котофея. Но потом вспомнила, что так делают здесь дети и влюблённые: валятся в сугроб, водят по нему руками; от этого остаётся на снегу след – «бабочка» называется или «ангел»…

Рыжка встал, отряхнулся, подошёл к Симе и начал тереться о кожзам-ботики. Сима стала осторожно гладить неопрятную животинку – кот мурчал, изгибался коромыслом и от удовольствия закатывал жёлтые глаза. «Сферный, – поняла наконец Сима, – много есть не будет, возьму к себе – пусть помогает». Взяла Рыжку на руки (он обнял её передними лапами за шею и уткнулся прохладным носом в щёку) и пошла домой. По дороге ещё надо было зайти на почту за конвертами и подежурить у трамвайной остановки, до сих пор не обозначенной «зеброй» и упреждающим дорожным знаком.

Возле Симиного подъезда стоял грузовик, из которого двое коренастых мужичков бодро вытаскивали стандартный набор незамысловатой мебели: клетчатый диван, такого же окраса кресло, стулья, кухонный стол, шифоньер – всё довольно обтёрханное… Из кабины водителя, держа под мышкой никчёмную собачонку, вылезала давешняя вороватая бабуленция.

– Ну чё, сферная, не ожидала? – подмигнула противная антиподница Симе. – Берегись – соседями будем!

– Мне нет до вас дела, – с достоинством и неправду ответила Сима, покрепче прижала к себе беспокойно зафырчавшего Рыжку и вошла в подъезд.

Поздно вечером Сима сидела у телевизора – досматривала хороший фильм «Заварушка с обезьяной». Рядом, у её ног, свернувшись, спал отмытый Рыжка.

Вдруг он открыл свои янтарные глаза и сказал приятным баритоном:

– Уважаемая Серафима Ивановна!

Сима так и подскочила на своём кресле, хотя нечто подобное всё же ожидала.

– Не пугайтесь, – продолжал кот, – разрешите представиться: старший капрал 77-й разведроты 4-го Особого полка 16-го Молниеносного легиона. Уволен третьего дня подчистую и низвергнут за выслугу, имею награды и ранения, пятьдесят шесть боевых рейдов в Антиподную область. Большой опыт работы с такими, как наши теперешние соседи сверху.

– Рыжка! – закричала радостно Сима и тотчас смутилась. – Ой, даже не знаю теперь, капрал, как вас называть.

– Да уж зовите, хозяйка, как сказалось: Рыжка и есть, – добродушно замурлыкал заслуженный вояка.

– А чего вы весь день молчали?

– Серафима Ивановна…

– Для вас просто Сима, – скромно возразила хозяйка.

– Так вот, Сима, – продолжил кот, – говорить по-человечески мне положено только десять минут в сутки: лингвокоммуникация с двенадцати часов ночи до двенадцати десяти. Вы, наверное, удивляетесь, почему я выбрал для здешнего бытования облик кота? Но дело в том, что в Сферах я работал больше не с людьми, которых не очень знаю, а с антиподами – ну то есть воевал с ними, конечно. Вот мне в Канцелярии и дали наводку на вас: вы специалист по людям, а я – по нечистым. Значит, так: будем работать в связке, не возражаете? – и потёрся крупной башкой о Симину ногу.

– Я очень рада, – искренне сказала Сима и почесала капрала за ушком.

Через несколько дней, возвращаясь вечером из рейда (надо было проверить, закрыты ли окрестные канализационные люки), Сима и Рыжка столкнулись с выходящим из их подъезда Хабибом Гулямычем. Сферный как-то суетливо поздоровался, приподняв кепчонку с бритой головы, сказал, что заходил к ним, но не застал. Однако на предложение вернуться и попить чаёк отказался: «В другой раз. Дела, знаете ли, табличку к «Птице» проверить надо». Сима с отставным капралом недоумённо переглянулись – раньше Гулямыч никогда к Симе не захаживал и «Птичкой» не интересовался.

А с «Синей птицей» дела обстояли так: в начале лета в микрорайоновском сквере поставили затейливо изогнутую конструкцию из крашенных синим деревяшек, наподобие леонардов-

ского геликоптера, и рядом в землю укрепили табличку: «Арт-объект «Синяя птица». Автор Илья Гапонов, г. Санкт-Петербург». Сима с бабой Липой радовались окультуриванию микражки, жители рассматривали «Птичку» и фотографировались возле неё. Однако вскоре кто-то (ну антиподники, понятно) стал вытаскивать табличку из земли и бросать её возле арт-объекта. Баба Липа взяла «Птицу» под свою опеку – укрепляла вырванную табличку. Помнится, Хабиб Гулямыч спорил с бабой Липой, горячился, говорил, что это мелкотемье, что надо работать покрупному, а баба Липа кротко улыбалась и продолжала патронировать местную культурную ценность.

За несколько минут до полуночи капрал принёс в зубах и положил перед хозяйкой листок с логотипом СК (Сферной Канцелярии) – Сима выделила коту средний ящик спецтумбочки. На листке значилось: «Антипод-отверженцы Филаткины: а) Тамара Михайловна; б) Борис и в) Анатолий – её сыновья; г) собака-квартеронка Козявочка. Краткий психопортрет: враждебны ко всему, непредсказуемы, коварны. Проявлять сугубую осторожность в общении с ними».

Ровно в полночь Рыжка по-военному чётко заговорил:

– Значит, так: с Филаткиными всё понятно: явные враги, будем работать по этому направлению. Меня больше волнует гражданин Загидуллин Хабиб Гулямыч – темнит что-то сферный, да и сферный ли? У меня тут есть догадка: а не вступил ли он в альянс с нашими милыми соседями-отверженцами?

– Да неужто? – ахнула Сима.

– Есть такое подозрение. Двойная игра. Да и имя странное для сферного нашего ПС-ведомства, он скорее по ИС-ведомству должен проходить и ему логичнее было низвергнуться где-нибудь в Джелалабаде. Ну это я пробью по своим старым каналам. Связи-то ещё остались! – горделиво закончил старый служака и замурлыкал – лингвокоммуникация завершилась.

Следующие два ночные часа занимались каждый своим делом: кот сидел у телевизора, переключал каналы, поглядывал на будильник и что-то записывал в блокнотик, ловко зажав ручку в правой передней лапе. А Сима перечитывала просьбы своих условно подопечных. Зинаида Семёновна жаловалась на то, что найденных в подъезде тридцати четырёх тысяч (Рыжка тогда помогал в операции – караулил, чтобы кто другой не поднял конверт) не хватает на взятку в военкомат, просила ещё сто шестнадцать тысяч. «Ничего себе! – подумала Сима и потёрла лоб, – где-то надо искать». Владлен Васильевич клянчил всё о той же надбавке. «Это не горит, подождёт до пенсии», – решила Сима. Фира Зиновьевна продолжала удивлять: чего-то егозила, требовала чуть ли не немедленного значительного улучшения благосостояния дочери Софы – не желала ждать постепенного карьерного роста зятя. Намекала даже на какие-то параллельные просьбы в другие Высшие инстанции, кроме ПС-ведомства, в случае неисполнения желания. «Как трудно стало работать, – вздохнула Сима, – раньше молились не так…»

Поспать в эту ночь Симе с Рыжкой не удалось: Филаткины как начали возню часа в три, так и колобродили до утра – справляли новоселье. А поскольку поселились они аккурат над Носковыми (Сима, естественно, дала коту свою здешнюю фамилию) – пол-потолок в блочном доме и не думал изолировать звук. Сначала сферные слушали хоровое исполнение антиподников: «И застучат колёса в такт – опять в Сибирь идёт этап…», «Давай-давай лавэ – и будет легче твоей головэ…», «Ой, мама, шика дам, шика дам» (эта песня, к слову сказать, очень нравилась и Хабибу Гулямычу). Козявочка всё время в лад подвывала своим родственникам. Затем неуёмная мамаша и её развесёлые сыночки принялась отплясывать под песни Александра Буйнова – и было такое впечатление, что в филаткинском шабаше принимают участие не только хозяева, но и другие местные антиподники.

Сима проворочалась на своей узкой кроватке до рассвета, потом не выдержала и использовала хранимую про запас просьбу: вся верхнеэтажная нечисть свалилась с ног и будет дрыхнуть минимум двое суток. Сима твёрдо решила: завтра же купить на рынке килограмма два чесноку, сделать вытяжку с добавлением элеутерококка и закапывать Филаткиным в квартиру через замочную скважину ежедневно по десять – двадцать капель – говорят, способствует усмирению буйного нрава. Потом она уснула. Задремал, свернувшись в клубок, и бывший капрал 77-й разведроты.

В следующий сеанс лингвосвязи Рыжка доложил Симе о результатах своих изысканий насчёт Хабиба Гулямыча:

– Значит, так: нарыть на него компромата в СК не удалось – чист на удивление: ни одного взыскания. Но есть одна зацепка: последнюю пару веков как корова языком слизнула из личного дела. Чем занимался в это время – неизвестно.

– Так что же это за зацепка, если ничего не известно? – удивилась Сима.

– В Канцелярии неизвестно, но есть *соглядатели* – глаз-птицы. Только водятся ли они здесь?

– Ой, я знаю, водятся-водятся. Сама их не видела, но слышала от бабы Липы, что они у «Синей птички» по субботам собираются и устраивают промеж собой какие-то перформансы, что ли.

– Ага, понятно: акт чистого искусства, креатив для креатива – очень на них похоже. Решено: в субботу, через два дня, идём к глаз-птицам на слёт.

– А пустят? – усомнилась Сима.

– Что-нибудь придумаем. Я сегодня на крыше подежурю – есть у меня в здешнем околотке парочка знакомых природных котов. Авось познакомят хоть с одним соглядателем – коты, они отродясь с глаз-птицами хороводятся, – ответил неунывающе-позитивный Рыжка.

Субботней ночью Сима с котом отправились на глаз-птичью тусовку. Вернее сказать, кот с Симой, поскольку именно Рыжка был приглашён на птичий базар (местные коты познакомили-таки настойчивого капрала с одной пернато-глазастой особью), а Сима выступала в роли его подруги. К перформансу приготовились: купили подарок соглядателям (он же, по сути, входной билет) – двести граммов (по сто граммов на приглашённого) орешков фундук и две баночки фанты – любимых лакомств нездешних летунов. И сами принарядились: капрал повязал фиолетовый бант, а Сима – розовый газовый шарфик. Два дня, предшествующие походу, Сима приставала к коту с вопросом: «А какие они, глаз-птицы?» – «Скоро увидите», – лаконично отговаривался Рыжка в минуты лингвокоммуникации.

Ещё при подходе к скверу Сима стала различать в тёмном пространстве над головой какие-то необычные шумы: гортанные перешёптывания и шорох мягких крыльев. «Глаз-птицы слетаются», – прошептал временно заговоривший капрал. Подошли к арт-объекту «Синяя птица». «Положите подарок под конструкцию и смотрите», – командовал кот. Сима вытащила из сумочки фундук и фанту и разложила у подножия «Птички». И тут же возникли и расселись на деревяшках арт-объекта, как обычные птицы на ветках дерева, не виданные доселе Симой птахи. Их было особей двадцать. Размером они были, пожалуй, с голубя – хотя смотря что считать за размер: основное в глаз-птицах был именно что глаз, большой, внимательный. Под ним едва угадывалось тщедушное тельце с довольно крупными цепкими лапами. По обе стороны от самого глаза, казалось, располагались два вполне голубиных крыла.

Капрал мяукнул им что-то – и глазастики как по команде набросились на лакомство, хватая орешки лапами и запихивая куда-то под глаз, в невидимый рот. Бутылочки почему-то не трогали.

– А почему фанту не пьют? – шёпотом спросила Сима Рыжку.

– Берегут гостинчик для деток, – объяснил кот.

Насытившись, глаз-птицы стали летать над своим сакральным арт-объектом, то расширяя, то сужая круги, меняя направление и высоту полёта. Потом снова расселись на деревяшках-ветках – перформанс закончился. Тогда кот выступил вперёд и стал что-то намяукивать с вопросительной интонацией. И то одна, то другая пернатая гортанно щебетала в ответ. Наконец, Рыжка поклонился им – и они разом сорвались с «Птички», прихватив бутылочки фанты, и унеслись в ночное осеннее небо. Пора было идти домой, а все расспросы потом – поняла Сима.

По дороге закрыли три канализационных люка и зажгли шесть негорящих фонарей.

В ночь на воскресенье кот сообщил следующее: «Гражданин Загидуллин, по информации соглядателей, никакой не сферный и к тому же не нашего ведомства (впрочем, как мы и предполагали). Он отставной *подшайтанник*. Заслан сюда с целью вредить нам, сферным, и для наведения мостов с антиподниками. Вот только несколько дел, инициированных им. Значит, так. Пустил моду на шапки из рыжего меха – в верховьях Камы перебили всех лис, расплодились зайцы и погрызли плодовые деревья в окрестных деревнях. Итог – недород знаменитых яблок «белый налив». Далее. Будучи директором

фабрики детской игрушки в Кутлу-Букаше, выпускал такую отвратительную продукцию, что дети пугались его пупсов и мишек, плакали, ночами не спали и в результате вырастали неврастениками. Хватит? Послужной список впечатляет, не говорю уже о двухгодичном чемпионстве казанского футбольного «Рубина»…» Потрясённая Сима только ахала. «Наша задача, – подытожил Рыжка, – дискредитировать Гулямыча в глазах его начальства, чтобы сослали его куда-нибудь в Ургенч и понизили до должности арыкного, что ли. Только как вот это сделать, пока не знаю. Но будем работать в этом направлении».

Весь октябрь прошёл в борьбе с Филаткиными. Продрыхшие трое суток после устроенного кильдыма, антиподники с новыми силами принялись за свои обычные делишки. Братья Борис и Анатолий (ну, ясное дело, братья по легенде: у них, как и у сферных, родственников нет) писали на стенах в подъездах всякую гадость, портили асфальт, выбуравливая в нём ямки специальным приспособлением наподобие коловорота, Тамара Михайловна подворовывала в «Экономке» и лепила жвачку на скамейки в сквере (чтобы граждане портили свою одежду), Козявочка ночами выла во дворе, мешая спать жителям близлежащих домов. К тому же при переезде Филаткины завезли с собой разновидность каких-то особо шустрых и живучих домашних насекомых: тараканов не тараканов, а тараканоподобных жуков-вострогрыжиц – к большому неудовольствию соседей.

Сима с помощью незаменимого Рыжки предприняла следующие противодействия. Организовала месячник ударной работы строительно-дорожных служб, подбила граждан на проведение акции по благоустройству подъездов в микражке, во избежание участившихся краж устроила в «Экономку» охранниками двух толковых наблюдательных парней из сочувствующих сферным. Бездомные природные коты, руководимые уважаемым Рыжкой, взяли на себя труд отцарапывать когтями жвачку со скамеек. Козявочке Сима через дворовых ребятишек скормила пакетик леденчиков «Дюшес», после чего антиподное животное, жадно набросившееся на лакомство, потеряло голос и могло только невнятно мычать. А соседям были подкинуты антитараканьи мелки «Машенька» – для борьбы с филаткинскими вострогрыжицами.

Как-то вечерком пришла в гости к Носковым баба Липа. Лучась голубенькими глазками, она тихим голосом грустно рассказывала про свои дела. С арт-объектом «Синяя птица» прямо беда: табличку спёрли, обломали несколько перекладин, всю конструкцию забросали грязью. Учинили диверсию со светофором на площади у ДК: поменяли местами цвета – хорошо, успела вовремя вызвать гаишников. В районной аптеке обнаружена партия полупроданного контрафактного валидола: вместо лечебных ингредиентов понапихали туда толчёный мел. Пришлось бабе Липе спешно уточнять список микрорайонных сердечников и гипертоников и подбрасывать им в карманы качественное лекарство. Сима с котом как могли успокоили старушку и проводили домой.

– Это Гулямыч беснует, не иначе, – начал капрал очередную лингвосвязь, – чует, что за ним охотятся. Вот напоследок и хочет напакостить по максимуму. Ох, дорезвится у меня этот подшайтанник. Пора убирать его.

– Как? Распылить на кварки в Хаос? – ахнула добрая Сима.

– К сожалению, не имею таких полномочий. Посодействуем, чтобы его сослали… ну, скажем, в Среднюю Азию и понизили до пустынных или…

– Арыкных? – подсказала Сима, вспомнив один из разговоров с Рыжкой.

– Да-да, именно: арыкных. Самое ему место там.

Поражение подшайтанника Загидуллина последовало с того фланга, откуда не ожидали. Симина условно подопечная Шапаревич в одной из просьб дерзко извещала её о том, что тщетно молила несколько месяцев своих опекателей из ПС-ведомства насчёт немедленного улучшения благосостояния дочери, но стоило ей, отчаявшись, разок сходить в мечеть по совету её соседа Х. Г. Загидуллина – как тут же дочь с зятем выиграли в лотерею автомобиль «Ока». И теперь она, то есть Ф. З. Шапаревич, плюёт на своих бывших опекателей и переходит в ИС-ведомство. А может быть, будет параллелить и в синогогальном ведомстве (ИУ-ведомство).

Заплаканная Сима поделилась своей печалью (позорище-то какое: подопечная отвергла опекателя!) с капралом.

Рыжка покрутил короткоухой головой, сощурил свои медовые глаза и вдруг заорал (как раз настал сеанс лингвокоммуникации):

– Серафима Ивановна, голубушка! Так это же удача!

– Что такое? – встрепенулась Сима.

– Каюк Гулямычу, – уже обычным спокойным тоном продолжал кот. – Мы отправляем от имени гражданки Шапаревич благодарность в ИС-ведомство (разумеется, в позитивное подведомство) – происходит утечка информации, сведения о добрых деяниях подшайтанника Загидуллина просачиваются в негативное подведомство. Там ему, естественно, хвоста накрутят: чего он людям-то помогает? Сам себя перехитрил, злыдень: думал перетянуть у нас подопечную, а потерпел крах. Всё. Сима, несите сюда образец почерка Фиры Зиновьевны.

Вскоре баба Липа принесла известие: идём знакомиться с новонизвергнутыми сферными. Встреча назначалась в три часа пополудни на безлюдной ноябрьской набережной. Когда Сима и капрал пришли, на лавочке с бабой Липой уже сидели двое новеньких: сухонький чистенький дедок и крупная рыжеволосая женщина. Одеты они были так: на старичке – коротенький светлый тулупчик, валенки с галошами и какая-то детская панамка, тётенька – в ярко-оранжевой ветровке с капюшоном, голубых джинсах-стретч и ботильонах. Волосы её, крашенные хной, были уложены в высокую сложную причёску с применением шиньона. «Ещё не сориентировались», – мысленно улыбнулась Сима, вспомнив свой первый выход «в люди». Новички представились: Нонна Викторовна (10-й херувимский чин, бытовать будет в доме, где районный универмаг) и Степан Никанорович (без чинов, бывший подсерафим, на бытование определён в частный сектор). Рыжеволосая чином была повыше бабы Липы, а дедулька – даже пониже Симы. Тут же распределили для них обязанности: Нонна Викторовна будет курировать центр района, а дед Степан возьмёт на своё попечение берёзовую рощу.

Баба Липа с Симой (Рыжка по понятным причинам отмалчивался) засыпали новоприбывших вопросами: ну как там в Сферах? что новенького? какие свежие директивы и назначения-увольнения? кто следующий низвергается?

Больше отвечала бойкая Нонна:

– Работать в Сферах стало труднее...

– Да-да, – закивали Сима и баба Липа, – здесь тоже.

Кот утверждающе мяукнул.

– …участились случаи подменной веры – подопечные просить-то просят о чём-нибудь опекателей, а верить-то по-настоящему не верят. И даже так: посылают одну и ту же просьбу в разные ведомства.

– Прям как моя Фира Зиновьевна, – сказала Сима.

– …антиподное ведомство активизировало деятельность, делая ставку на свои молодые кадры. Списки сферных низвергаемых на следующую декаду пока не составлены, так что до февраля пополнения ждать нечего. А у низвергающихся появилась нынче мода выбирать облики молодых людей, даже подростков, но вот мы с Никанорычем…

Дед Степан важно кивнул.

– …захотели бытовать всё-таки пенсионерами – ориентация традиционная и проверенная временем. Из нововведений есть хорошее: в целях повышения эффективности работы готовится законопроект о награждении особо отличившихся низвергнутых частичным возвратом левитации, но без крыльев – проще говоря: мы опять сможем летать! – рыжая Нонна обвела всех торжествующим взглядом.

– Ура! – закричала Сима.

– Я верила в это, – сказала баба Липа.

Капрал довольно замурлыкал и закрутил облезлым хвостом.

Потом погуляли немного по набережной.

Нонна похвасталась новинкой:

– Свисток разноголосый, двадцать семь функций. Хочешь – соловьём свищи, хочешь – по-овечьи блей, вплоть до павлиньего крика – очень может пригодиться.

Остальные сферные скептически переглянулись, а баба Липа, чтобы продвинутая новенькая не сильно зазнавалась, показала старый, не у всех получающийся фокус: разогнала парочку дождевых облаков. Затем все вместе утеплили на зиму вороньи гнёзда и разошлись по домам, обменявшись номерами контактных телефонов.

Чеснок с элеутерококком (вытяжку которого Сима ежеутренне закапывала в замочную скважину входной двери Филаткиных) помогал мало: бедовые антиподники ничуть не умерили свой буйный нрав. Братья Борис и Анатолий устроились на местную телефонную станцию – оператором и сисадмином. И теперь телефоны граждан стали чудить: постоянно соединялись

не с теми абонентами, а у знакомых меняли тембр голоса, в трубках время от времени что-то выло и лаяло, ночами раздавались непонятные звонки. Тамара Михайловна по возрасту (человеческому, конечно) даже при её связях не могла устроиться на работу по специальности (легенда: бывший агроном) в экспериментальную сельхозлабораторию – чтобы разводить быстропортящийся картофель и плохохранящуюся свёклу. Пришлось довольствоваться клубом садоводов-огородников при районном ДК – давала советы доверчивым пенсионерам, после чего баклажанная икра скисала, викториншное варенье вставало шапкой, а капусту, квашенную по её рецепту, пучило. Козявочка вообще замутила проект «Дворовые войны» с участием собак всех мастей – с одной стороны и микражных котов – с другой. И если бы не стратегические таланты Рыжки – плохо бы пришлось его собратьям. Против распоясавшихся Филаткиных надо было предпринимать какие-то действенные контрмеры.

В день получения пенсии Сима подбросила через форточку своему условно подопечному Владлену Васильевичу Баранцу пятьсот неустанно просимых им рублей. Он их получил – с крыши соседнего дома капрал Рыжка это видел. Каково же было изумление Симы, когда в очередной просьбе от гражданина Баранца, вынутой из спецтумбочки, значилась всё та же требуемая сумма. Причём теперь подопечный утверждал, что его неправильно поняли: он просил пятисотрублёвой надбавки ежедневно, а не один раз в месяц. И что в случае невыполнения его просьбы вынужден будет жаловаться Выше. Кот выслушал встревоженную Симу и на вопрос: «Что делать?» – ответил: «Ваш Баранец – просто хапуга и сутяга. Я бы ему и раз в месяц пятьсот рублей не добавлял. Значит, так. Делать ничего в этом направлении не надо – никуда он жаловаться не будет. Выплаты прекратить. Помогать ему только в экстренных случаях».

Вторая Симина условно подопечная, гражданка Коковцева, снизила требуемую сумму (для взятки в военкомат) со ста пятидесяти тысяч до ста двадцати, что тоже для Симы было почти нереально.

Умный кот и здесь знал, что делать:

– Я навёл справки. Врёт ваша Коковцева. Взятка в военкомат, чтобы в армию не взяли, по нынешним расценкам стоит шестьдесят – восемьдесят тысяч рублей. Да к тому же внуку этой жадины дали отсрочку – он в техникуме учится.

– Отберут у меня подопечных: не справляюсь я, – плакала Сима.

Капрал успокаивал:

– Не плачьте: не отберут у вас никого. Таких добрых, как вы, ещё и в Сферах поискать надо. Однако очень вы доверчивая, голубушка Серафима Ивановна: просьбы проверять надо.

Третья опекаемая – Фира Зиновьевна Шапаревич – пока молчала.

В основном канале спецсвязи (тумбочка прикроватная) обнаружилось вскоре ещё одно сообщение – приятное. По делу подшайтанника Гулямыча в ИС-ведомстве проведена тщательнейшая проверка. Факт его сотрудничества с ПС-ведомством подтвердился, равно как и факт его помощи людям (что вообще недопустимо). По совокупности добрых дел подшайтанник Загидуллин Хабиб Гулямыч понижается до канального в МЧК (Малый Чуйский Канал) и высылается в двадцать четыре часа на новое место бытования. Сима с Рыжкой радостно обнялись. Это была победа!

В скором времени Рыжка (через глаз-птиц) принёс сведения о куда-то пропавшей гражданке Шапаревич. Оказывается, Фира Зиновьевна окончательно подпала под обаяние своего соседа Загидуллина и, узнав от него о том, что он *особенный* и его депортируют в Среднюю Азию, решила следовать за ним. Подшайтанник пробовал её отговаривать, объяснял, что в Кыргызстане сложная политическая ситуация, что жить он будет в очень специфических условиях. Но шалая дочь Сиона говорила, что трудности её не пугают, настоящая любовь одолеет все препоны. Они собрались и в спешном порядке укатили в Бишкек. Так что придётся Фире Зиновьевне тоже стать канальной. «Так им, канальям, и надо», – скаламбурил перфекционист Рыжка.

Между тем новенькие низвергнутые понемногу оббытовывались в микражке. Энергичная Нонна Викторовна устроилась распространителем продукции компании «Avon» – теперь она была вхожа в квартиры граждан и могла лучше сориентироваться на месте, кому чем помочь. Эта форма опекунства была одобрена в Сферах, и Нонна получила призовую месячную помощь от Канцелярии. Квёленький, по первому

впечатлению, Степан Никанорович неожиданно для всех сферных развил кипучую деятельность по обихаживанию вверенной ему берёзовой рощи: за месяц его здешнего бытования была проведена санитарная рубка разросшегося кустарника, дорожки подметены и посыпаны гравием, заросли лопуха прорежены, а на следующий год (хвастался дед Степан) будут выписаны из Карелии десять пар белочек и приглашён для сотрудничества ландшафтный дизайнер.

А с Филаткиными произошла следующая история. Козявочка знала, что сферные очень дорожат союзничеством с глаз-птицами. И после краха своего проекта «Дворовые войны» антиподная квартеронка решила отомстить Рыжке. Она несколько ночей караулила у арт-объекта «Синяя птица», дожидаясь перформанса крылатых соглядателей. Наконец дождалась. Пока глазастые пичуги, увлечённые творческим процессом, вдохновенно выписывали кренделя над своим капищем, Козявочка скрывалась в палой листве. Но стоило им, завершив камлание, рассесться на деревяшках конструкции, как гадкое животное выскочило из своего укрытия с намерением вцепиться в одну из пернатых особей. Глаз-птицы, отличающиеся обострённым чувством корпоративной солидарности, набросились на дерзкую, схватили её цепкими когтями, подняли в воздух, покрутили над сакральным арт-объектом и сбросили вниз. Визжащая Козявочка ударилась головой о вершину конструкции, срикошетила от неё и, вытянув лапки, шмякнулась на ближайшую скамейку. Глазастики, торжествующе клекоча, взмыли ввысь.

Домой собака приплелась только под утро. И первое, что она сделала, цапнула открывшую ей дверь Тамару Михайловну. Тамара Михайловна, в свою очередь, будучи уже невменяемой, покусала пришедших с работы сыновей. Соседи, обеспокоенные чрезмерным даже для Филаткиных многоголосым воем и вознёй в их квартире, вызвали психбригаду и милицию. Врач скорой психиатрической помощи констатировал у всех четверых птичий грипп, на фоне которого развилась страшная форма умопомешательства. Бесноватых Филаткиных погрузили в машину и увезли в инфекционную больницу на другой конец города.

Вскоре баба Липа принесла сведения об удивительных метаморфозах, произошедших с Филаткиными, – ей об этом рассказала знакомая сферная, работавшая нянечкой в инфекционке. Диагноз, поставленный психврачом, отчасти оправдался. Действительно, это был птичий грипп, но птицы-то были отнюдь не курями. И инфекция, которой они наградили Козявочку, оцарапав её когтями, была неизвестна медицине. А меж тем вирус глаз-птичьего гриппа действовал на индивида, в корне меняя его психотип. Антиподники после курса усиленной терапии, снявшей буйное помешательство, стали профнепригодны: приобрели черты филантропии – подобрели. Придётся Антиподному ведомству дать им инвалидность и отстранить от работы. Это тоже был успех в работе сферных, так как опосредованно именно Рыжка (через глаз-птиц) послужил причиной бесславного краха филаткинской миссии.

А к Новому году сферным по спецканалу TV пришло сообщение о том, что «Носков Рыжка, старший капрал, и Носкова Серафима Ивановна, серафим 14-го чина, награждены способностью бескрылой левитации за большие успехи в борьбе с антиподным влиянием («Дело подшайтанника Загидуллина» и «Дело антиподников Филаткиных»)». Рыжка мог теперь летать час в неделю, а Сима – сорок пять минут (академический час). Обещали также премировать Носковых компьютером с подключением к интернету – но это после новогодних праздников.

Левитацию опробовали следующей же ночью в присутствии друзей – бабы Липы, деда Степана и Нонны. Сферные вышли на заснеженную набережную. Левитирующие встали на парапет, остальные выжидающе смотрели на них снизу. Сима с капралом вздохнули поглубже, подпрыгнули и вытянули руки (передние лапы) вперёд – так было указано в инструкции. Затем надо было просто ложиться на воздух и парить над землёй. Так они и сделали. Полёт был, конечно, не такой, к какому они привыкли в Сферах. Но всё-таки это был полёт! Сначала Рыжка держал Симу за руку, чтобы она не запуталась в проводах. Потом, увидев, что у неё получается неплохо, отпустил руку. Сима выбрала бреющий полёт, чуть повыше тополей, а отчаянный капрал взмыл в синее звёздное небо так высоко, что сферные на время потеряли его из виду. «Орёл!» – восхищённо выдохнул Степан Никанорович. Баба Липа с Нонной согласно закивали головами.

После левитации взбудораженная Сима затютюшкала кота до того, что ему пришлось бежать от неё на чердак. Вернулся он домой только к очередному сеансу лингвосвязи.

– Серафима Ивановна, не хочу вас расстраивать, но у меня плохие новости, – начал Рыжка.

– Что такое? – забеспокоилась Сима.

– Сейчас, когда я спускался с чердака, увидел, как в бывшую квартиру Филаткиных проходили новые жильцы.

– Эка беда, ну и пусть себе проходят, – беспечно махнула рукой Сима.

– Да, но они проходили *сквозь* стену. Не мне вам напоминать, кто занимается трансуоллом.

– Чем-чем? – непонимающе защебетала сферная.

– Сима, голубушка, это просто слово новое, а действие старое – время от времени всё же заглядывайте на новостной канал 54/45. Термин «трансуолл» обозначает прохождение сквозь стены – и награждают этой способностью антиподников за особые заслуги. Значит, так: нам предстоит много работы. Мяв! – с некоторого времени этой кодой капрал стал обозначать конец коммуникации.

Сконфуженная Сима погладила умненького Рыжку по крупной голове.

В микрорайоне провинциального города, на полупустой набережной, в любое время года часто можно видеть прогуливающуюся моложавую женщину, одетую не очень модно. Вопреки бытующему мнению, что коты, в отличие от собак, не идут за хозяином, а гуляют сами по себе, рядом с ней важно вышагивает крупный рыже-белый котяра с облезлым хвостом. Женщина садится на скамейку, кормит голубей (кот прячется где-то рядом). Потом они о чём-то тихо беседуют – вернее, женщина что-то говорит, а кот слушает и утвердительно кивает или протестующе мяукает.

И те, кому надо, знают: это сферные Серафима Ивановна и капрал Рыжка вырабатывают план борьбы с антиподниками, которые в последнее время под видом гопников безобразничают в нашей микражке.